

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. Ф. МОНОГАРОВА

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЗАПАДНОМ ПАМИРЕ

Изучение этнических процессов, происходивших за годы социалистического строительства и протекающих в настоящее время внутри различных наций Советского Союза, а также путей изживания обособленности и дальнейшего этнического развития малочисленных народностей — одно из важных направлений современной советской этнографии.

Различный социально-экономический уровень развития народов нашей страны до Великой Октябрьской социалистической революции обусловил неравномерность их этнического развития, наличие наряду с крупными народностями и нациями этнографических групп и малочисленных народностей.

Изучение современных этнических процессов на Западном Памире • представляет особый интерес в связи с изживанием былой обособленности припамирских народностей, которой кроме исторических и социально-экономических причин в значительной степени способствовали чрезвычайная географическая изолированность Западного Памира и различная религиозная принадлежность припамирских народностей и таджиков¹.

За годы Советской власти в результате национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства, социалистических преобразований в экономической и культурной жизни, у ряда народов Средней Азии национальная консолидация завершилась формированием наций и постепенным исчезновением обособленности как этнографических групп каждой из этих наций, так и обособленности живущих в окружении определенной нации инонациональных малочисленных народностей. Например, при сложении узбекской социалистической нации с нею, кроме этнографических групп собственно узбеков, • слились к настоящему времени курама, часть среднеазиатских арабов, отдельные группы каракалпаков и туркмен, предки которых издавна переселились в районы расселения узбеков; идет процесс завершения слияния ягнобцев с таджиками и более тесного сближения с ними жи-

¹ Припамирские народности в подавляющем большинстве принадлежали к секте исмаилитов — ответвлению шиитского толка ислама, тогда как таджики придерживались суннитского толка.

вущих в СССР припамирских народностей² или, как их теперь чаще называют, припамирских таджиков (язгулемцев, рушанцев, баджуйцев, хуфцев, бартангцев, шугнанцев, ишкашимцев, ваханцев). К припамирским народностям относились в прошлом и ванчцы, слившиеся с таджиками к началу XX в.

В СССР припамирские таджики в настоящее время живут в пограничных с Афганистаном Ванчском, Рушанском, Шугнанском и Ишкашимском районах Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. Значительное число рушанцев, шугнанцев, ишкашимцев и ваханцев населяют Афганский Бадахшан (левобережье р. Пяндж), а сарыкольцы (около 8 тыс. чел.) — юго-восток Памира, в пределах КНР (Синьдзян).

По переписи 1969 г. (по данным родного языка) припамирских таджиков в СССР было свыше 42 тыс. чел.

Припамирские народности, родственные таджикам и между собою, сложились к X в. под влиянием особых исторических, социально-экономических и природных условий на периферии этнической территории формирования таджиков, на базе древних сакских и, возможно, дардских племен. Они говорят на так называемых памирских языках, объединяемых в одну группу с восточноиранскими языками, однако настолько различными между собой, что язгулевец не понимает шугнанца, рушанец — ваханца и т. п. «Р. Шоу отметил большую близость — как материальную, так и типологическую — памирских языков к языкам дардской группы... Мысль о существовании переходной группы в составе индо-иранской семьи, о переходности кафирских и дардских и близости к ним памирских языков прослеживается и развивается... в трудах лингвистов, занимавшихся языками данного ареала...»³.

Сложению таджикской народности способствовало объединение к X в. отдельных феодальных владений в рамках государства Саманидов. Формирование таджиков шло на основе таджикского языка, вытеснившего с территории сложения этой народности восточноиранские языки, сохранившиеся до настоящего времени на территории СССР лишь у припамирских таджиков.

Вахан, Шугнан и Рушан с Дарвазом, составлявшие одно владение в X в., с этого времени сохраняли свою фактическую самостоятельность. В XVIII в. Вахан и Шугнан боролись против политической зависимости, главным образом от Бадахшана и Дарваза.

В середине XIX в. Бадахшан был завоеван Афганистаном. Вахан и Шугнан платили дань Дарвазу до завоевания его в 1878 г. бухарским эмиром. В конце XIX в. (в 1883 г.) Рушаном, Шугнаном и Ваханом завладел Афганистан. В 1895 г. по русско-английскому договору к Афганистану отошла часть Дарваза по левому берегу Пянджа, а к Бухаре — правобережные земли Вахана, Шугнана, Рушана и Язгулем. Ими правил бек, наместник бухарского эмира. С 1904 г. по договоренности с эмиром Бухары Язгулем остался в составе Дарваза, а Шугнан, Рушан и Вахан фактически были присоединены к России.

Припамирские народности до недавнего времени были отделены высочайшими труднопроходимыми горными хребтами друг от друга и от культурных центров Средней Азии.

² Исследователи называли эти народности «иранскими племенами Западного Памира», «горцами верховьев Пянджа», «горцами Памира», «припамирскими народами» или «припамирскими народностями», «памирскими таджиками» или «припамирскими таджиками». В советской литературе утвердились термины «припамирские народности» и «припамирские таджики».

³ Д. Эдельман, Современное состояние изучения памирских языков, «Вопросы языкознания», 1964, № 1, стр. 128—129.

Вдоль по Пянджу из Дарваза в Рушан в недалеком 'прошлом един- ственным путем была только тропа в обход через перевалы Гушхон (Ванч-Язгулемский хребет) и Оудуи (Язгулемо-Бартанский). Между жителями соседних долин связь поддерживалась по опаснейшим искусственным карнизам — оврингам. Русские власти в 1915 г. проложи- ли с помощью местного насе- ления вьючную тропу вдоль Пянджа, но, как пишет П. Лукницкий: «Обвалы, да- вины, камнепады, водопады и половодья вскоре испортили эту дорогу... К тридцатым го- дам она снова стала ужасной... Бывало за двенадцати-тринад- цатичасовой дневной переход мы проходили всего три-четы- ре километра. Развьючивать и завьючивать весь караван, протаскивать каждый вьюк и каждую лошадь по оврингам, непрерывно карабкаясь и по- висая над бездной, могли только люди, закаленные мно- гомесячными путешествиями. Это был поистине нечеловече- ский труд»⁴. М. С. Андреев приводит слова старика-язгу- лемца, рассказывавшего ему о трз'дностях пути в прошлом между Язтулемом и Рушаном: «Даже птица в старое время не могла 'пролетать там»⁵.

В настоящее время поездку от столицы Таджикистана — Душанбе до центра Горно- Бадахшанской автономной об- ласти — Хорога, общей протя- женностью свыше 560 км, можно совершить на машине немногим более, чем за сутки с половиной, а самолетом за Час С четвертью.

Преодоление бездорожья оказало значительное влияние на изживание былой экономической и культурной обособленности припамирских таджиков.

Этнические процессы, происходящие среди припамирских народно- стей в годы социалистического строительства, характеризуются как более тесным сближением этих народностей между собой, так и одно- временно частичным слиянием и усилением сближения их с таджи- ками.

В хозяйстве, материальной культуре, семейном быту припамирских народностей прослеживается взаимодействие их традиционной культу-

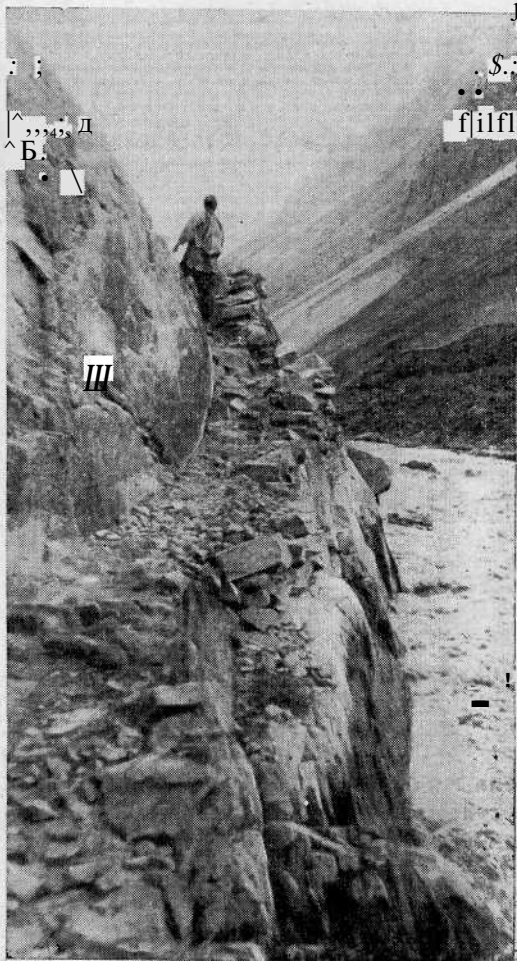

Рис. 1. Тропа в низовье р. Язгулем

⁴ П. Лукницкий, Путешествия по Памиру, М., 1955, стр. 496.

⁵ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, ч. II, стр. 256—258.

ры с современной таджикской и общесоветской социалистической культурой.

Издавна шел процесс взаимовлияния припамирских народностей между собой, способствующий выработке некоторых общих для всех припамирских народностей черт хозяйственной деятельности и основных элементов материальной и духовной культуры, отличных от таковых у таджиков⁶.

Основой хозяйственной деятельности были: земледелие высокогорного типа и скотоводство, охота на диких козлов и баранов, домашние ремесла — ткачество, гончарство и т. п. Приспособлены к суровым природным условиям Памира традиционные орудия труда, типы жилища и одежды. Традиционное жилище всех припамирских народностей — дом, сложенный из камня или сырцового кирпича. Деревянный каркас поддерживает кровлю — деревянный потолок в виде ступенчатого свода⁷; в центре его устроено световое отверстие, служившее в прошлом и для выхода дыма (рис. 2).

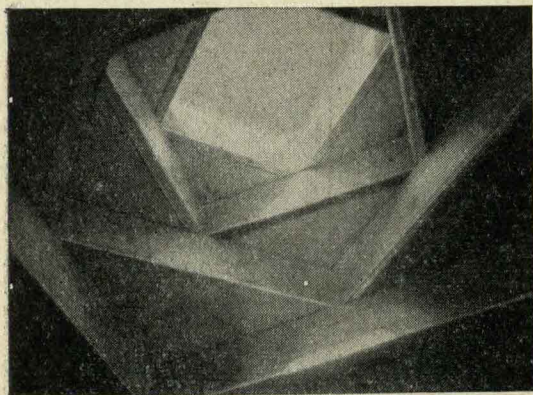

Рис. 2. Ступенчатая кровля «чор-дора» со световым отверстием (в прошлом, когда топили «по черному» оно служило и для выхода дыма)

Национальная одежда была туникообразного покроя у мужчин и женщин; шилась она главным образом из домотканых шерстяных тканей. Мужчины носили в холодное время года шерстяные распашные халаты и шубы из овчины. Обувью служили сапоги на мягкой подошве, надеваемые на высокие носки «джурабы», вязанные из цветной шерсти, с красивым орнаментом, и деревянные галоши, имеющие на подошве 3 выступа с шипами. Мужским головным убором служили тюбетейки с плоским верхом, шерстяные колпаки; женщины покрывали голову платком (длиною до 2 м), концы которого свободно падали на грудь или спину.

Исторические условия развития, экономическая отсталость, влияние исмаилитского духовенства и особенности исмаилитской идеологии обусловили сходство многих черт общественной и семейной жизни при-

⁶ См.: А. А. Бобринской, Горцы верховьев Пянджа, М., 1908; М. С. Андреев и А. А. Половцев, Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, «Сб. МАЭ», т. I, вып. IX, СПб., 1911; И. И. Зарубин, Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга, «Сборник МАЭ», т. V, вып. I, Пг., 1918; М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, Сталинабад, ч. I, 1953, ч. II, 1958; Л. Ф. Моногарова, Язгулемцы Западного Памира, «Сов. этнография», 1949, № 3; е е же, Материалы по этнографии язгулемцев, «Среднеазиатский этнографический сборник», II, М., 1959; А. К. Писарчик, Припамирские таджики. Раздел в томе «Народы Средней Азии и Казахстана», М., 1962 (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»); А. А. Семенов, Носыри-Хисров о мире духовном и материальном, «Сборник Турк. Вост. ин-та в честь проф. А. Э. Шмидта», Ташкент, 1923, стр. 124—133; А. А. Бобринской, Секта исмаилия в русских и бухарских пределах Средней Азии, «Этнографическое обозрение», 1902, № 2, кн. I, стр. 1—21; А. Массэ, Ислам, М., 1962, стр. 145—152.

⁷ Л. Ф. Моногарова, Язгулемцы Западного Памира, стр. 98; е е же, Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 43; В. Л. Воронина, Жилище Ванча и Язгулема, Сб. «Архитектура республик Средней Азии», М., 1951; М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, ч. II, стр. 273.

памирских народностей, в том числе значительных пережитков патронимии и сословного деления, более длительное бытование больших и неразделенных семей, патриархально-феодалных начал в семье (однако при отсутствии затворничества женщин, столь характерного для прошлого общественного и семейного быта таджиков), пережитков древних верований и т. п.

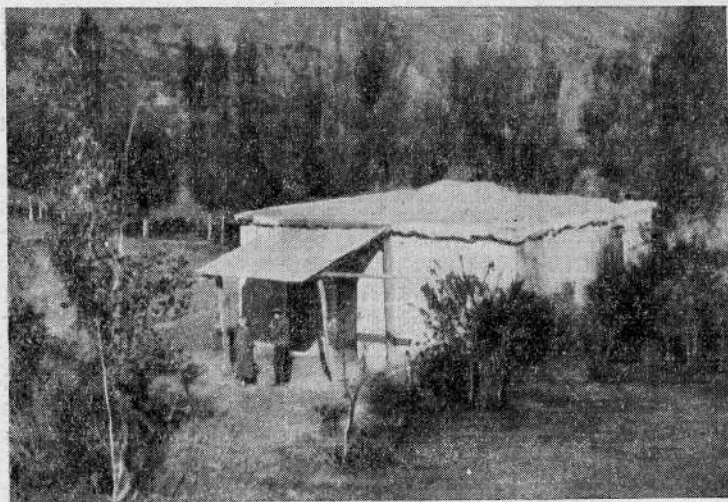

Рис. 3. Жилой дом с навесом над входом. Кишлак Поршнёв, Шугнанский район

До Великой Октябрьской социалистической революции естественные процессы хозяйственного и культурного сближения припамирских народностей с таджиками и даже с наиболее близкими им по историческим судьбам и экономическому развитию таджиками Дарваза в силу упомянутых выше причин протекали медленно⁸.

Издавна языком общения между припамирскими народностями и между ними и таджиками служил таджикский язык, называемый местным населением «форси». «Для этого межпамирского «форси» можно отметить значительное упрощение всей грамматической, в частности, глагольной системы⁹. Из припамирских народностей наиболее тесно с горными таджиками соприкасались ванчцы (или ванджи).

Постепенное экономическое и культурное сближение ванчцев с таджиками Дарваза привело к утере ванчского языка, замене его таджикским (ванджским говором таджикского языка) и, как мы уже говорили, слиянию ванчцев с таджиками. Таджики остальных районов республики считают ванчцев таджиками. В 1920-х гг. «...И. И. Зарубину удалось записать около 50 слов, относящихся к этому языку, и отметить характерные его особенности. Зарубин указал на наличие остатков вымершей речи в современных таджикских говорах Ванча... Еще и сейчас можно... записать отдельные слова или связанные отрывки»¹⁰.

⁸ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, ч. II, стр. 259—260.

⁹ А. З. Розенфельд, Таджикские говоры Советского Бадахшана и их место среди других говоров на Памире, «Вестник Ленинградского ун-та», 1963, № 20, Серия истории, языка и литературы, вып. 4, стр. 109.

¹⁰ А. З. Розенфельд, К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях, «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. VI, 1956, стр. 274.

«Судя по некоторым признакам, ванджский язык, входя в северную подгруппу памирских языков, наиболее тесно примыкал к язгулемскому языку»¹¹.

Язгулемцы, населяющие соседнюю с Ванчем долину, войдя с конца XIX в. в состав Бухарского эмирата, вынуждены были, как ранее это сделали ванчцы, официально принять суннизм.

Язгулемцы в настоящее время, как и остальные припамирские народности, сохранили свой родной язык, пользуются им и в домашнем быту, и на производстве. Исследователи отмечают более заметное воздействие таджикской культуры на язгулемцев, чем на другие народности Западного Памира, однако таджиками ни язгулемцев, ни остальных припамирцев таджики других районов республики, в том числе и ванчцы, не считают.

До Октябрьской революции, как было уже упомянуто, процессы хозяйственного и культурного сближения припамирских народностей с таджиками протекали медленно, но они развивались и развивались главным образом на основе распространения таджикского языка, который служил и продолжает служить основой приобщения припамирских народностей к таджикской культуре. Этот процесс усилился после установления Советской власти, ликвидации феодальных сословных привилегий, благодаря изживанию обособленности и росту экономического и культурного общения народностей Западного Памира с населением других районов республики и остальных республик нашей страны.

Образование Горно-Бадахшанской автономной области (1925 г.) в пределах Таджикской ССР и социалистическое переустройство хозяйства, особенно создание колхозов, обусловили экономическую общность припамирских таджиков с таджиками остальных районов республики. Следует отметить большую экономическую помощь Горно-Бадахшанской автономной области со стороны Таджикской республики. Важное значение в общей экономической и культурной жизни Горно-Бадахшанской автономной области и Таджикской республики имела ликвидация бездорожья (проведение автомобильных дорог Ош—Хорог в 1934 г. и Душанбе—Хорог в 1940 г.), установление авиасвязи между отдельными районами области и регулярного воздушного сообщения по линии Душанбе—Хорог, связавшими между собой как отдельные районы, так и Горно-Бадахшанскую автономную область в целом с культурными центрами Таджикистана и другими республиками Советского Союза.

Сближение отдельных элементов национальной культуры и быта инонациональных народностей, несомненно, зависит от общего культурного уровня различных социальных слоев взаимодействующих (контактирующих) групп этих народов, что и обуславливает неравномерность развития данного процесса.

Так, естественно, среди припамирских народностей у городского населения Хорога в быту отмечается больше элементов современной таджикской и городской культуры, чем у сельского населения. В сельских местностях элементы таджикской и городской культуры наиболее отчетливо прослеживаются в среде местной сельской интеллигенции: учителей, врачей, руководящих работников советских и общественных организаций, колхозов и т. п.

В настоящее время в жилища припамирских народностей, сохраняющих многие традиционные черты, внесены новые элементы: большие окна, дающие много света, с застекленными открывающимися рамами,

¹¹ Д. Эдельман, Указ. раб., стр. 131.

двускатная застекленная рама над световым отверстием в потолке; дымоход, отводящий дым от очага через трубу, проходящую внутри невысоких нар и нагревающую их (труба выходит либо через специальное отверстие в крыше, либо через световое). Вместо стенных ниш, как и таджики и узбеки, многие делают ственные шкафы, главным образом для посуды и продуктов.

В доме, имеющем традиционную народную планировку, сохраняется, как правило, и его традиционное убранство. В некоторых домах есть столы и другая мебель, но она зачастую используется не по своему прямому назначению: на табуретку ставят швейную машину, на стол — радиоприемник, посуду и другие предметы. Каждая семья имеет специальное жилое помещение «куш-хона», — так называется комната для гостей, в которой обычно живут молодые члены семьи, часто молодожены. В этой комнате элементы национального убранства — кошмы, шерстяные паласы местного производства, покрывающие пол, и иногда — низенькие, идущие только вдоль двух стен нары и т. п. — сочетаются с декоративным элементом убранства, распространенным у равнинных таджиков (например шелковыми сюзани), а также с городской мебелью (столы, стулья, кровати, иногда шкафы), тюлевыми занавесками, этажерками с книгами, радиоприемниками, коврами и посудой фабричного производства.

Рис. 4. Молодая женщина-шугнанка (первая справа) и две девушки (первая слева — бартангка) в повседневной одежде

Использование мебели по ее прямому назначению зависит в известной мере от общего культурного уровня семьи. В большинстве семей в сельской местности до сих пор готовят пищу, едят, спят на полу, даже при наличии в доме соответствующей мебели; дети учат уроки нередко тоже не за столом, а сидя на полу, на кошмах и коврах.

За последнее десятилетие традиционная национальная одежда памирских таджиков сильно изменилась. Их современная национальная одежда содержит элементы, заимствованные не из традиционного, а из современного национального костюма таджиков. У женщин — это распространившееся с начала 1950 г. платье с отрезной кокеткой, со стоячим или отложным воротником; встречаются и платья современных, модных фасонов. Шаровары в отличие от прошлых широких — довольно узкие и у молодых женщин и девушек, в том числе и у учениц старших классов, короткие, примерно на 10 см выше щиколотки («стиль» — по-

местному); низ штанин, как и у равнинных таджичек, обшит узорной тесьмой — «шероза». БОЛЬШЕМ успехом пользуются яркие носки и обувь фабричного производства — ууфли, в холодное время года сапоги. Голову пожилые женщины покрывают большим платком, молодые женщины и девушки — легкой косынкой или носят тюбетейку нового памирского типа, невысокую, с вертикальным околышем и плоским верхом (красного, синего, зеленого цвета). Некоторые пожилые женщины также носят тюбетейки, которые здесь распространились примерно с начала 1940-х гг. Таджикские вышитые тюбетейки появились в 1950-х гг.

В холодное время года женщины носят жакеты, шерстяные кофты, чулки и пальто фабричного производства. Из традиционной национальной одежды остались джурабы, надеваемые в сапоги (и у мужчин и у женщин). В отдаленных кишлаках сохраняется в одежде больше национальных элементов. Женские украшения сочетают традиционные элементы — ожерелья из бусин и кораллов, искусственные косы (из черной или красной шерсти) и различные украшения фабричного производства.

У мужчин повсеместно, начиная с 1940-х гг. распространились городские формы одежды, у молодых она обычно модного покроя. Национальный элемент костюма — памирская тюбетейка нового фасона, а с 1950-х гг. частью национального костюма припамирцев стали также таджикские и узбекские тюбетейки («чусты»). Изготовление традиционных распахнутых шерстяных халатов в связи с распространением одежды фабричного производства, начиная с послевоенных лет, все уменьшалось и к настоящему времени почти совсем прекратилось. Этот халат (белого цвета) остается преимущественно обрядовой одеждой жениха.

Часть мужчин, особенно пастухи высокогорных пастбищ и живущие в отдаленных кишлаках, носят и халаты, и овчинные шубы зимой, джурабы и местные мягкие сапоги, на которые надевают резиновые галоши (местную деревянную обувь перестали изготавливать примерно с начала 1950-х гг.).

В пище традиционные национальные блюда и напитки сочетаются с таджикскими, русскими, украинскими и другими блюдами, вошедшими в меню семьи через общественные столовые или чайхоны, имеющиеся в центре каждого сельсовета и - крупного кишлака, а иногда заимствованные в семьях товарищей по работе, соседей, особенно в городе и районных центрах.

В хозяйственной деятельности (социалистическая организация хозяйства, новые сельскохозяйственные культуры, способы обработки земли и т. п.) и в материальной культуре припамирских народностей наблюдается более значительное сочетание элементов их традиционной культуры с таджикской и городской общесоветской, чем в области семейных отношений и семейной обрядности, в недавнем прошлом наиболее тесно связанных с обычным правом и религиозной идеологией исмаилизма. Однако следует подчеркнуть, что в основном на семейный быт припамирских таджиков определяющее влияние оказывает советская социалистическая идеология.

В процессе этнического взаимодействия с таджиками припамирские народности усваивают лучшие черты современной национальной культуры таджиков, насыщенной элементами общесреднеазиатской и общесоветской культуры.

На этнические процессы значительное влияние, как уже говорилось, оказывает рост общей культуры населения. Следует подчеркнуть всеобщее стремление, особенно молодежи, к образованию. Если в 1924 г. на территории Горно-Бадахшанской автономной области была всего

1 школа и 3 учителя, то в 1964 г.— 266 школ и 2086 преподавателей, причем из них только учителя русского языка (дети начинают его изучение со второго класса) русские или украинцы, а остальные, включая

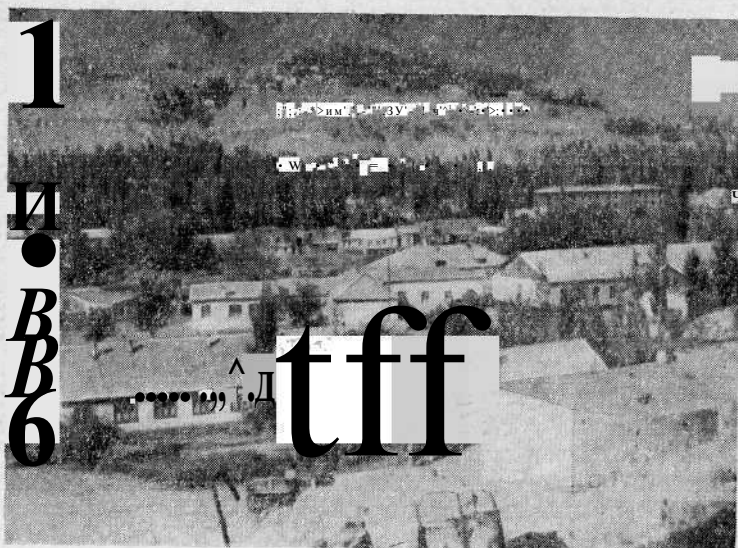

Рис. 5. Общий вид Хорога

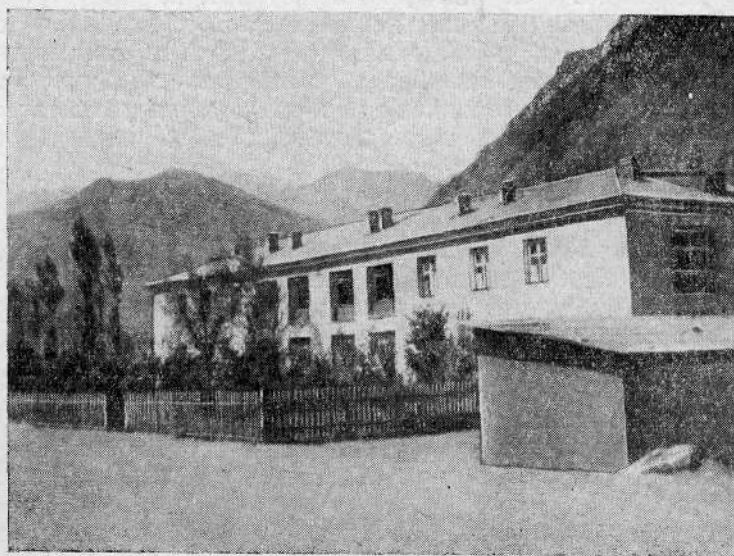

Рис. 6. Новый дом в Верхнем Хороге

преподавателей иностранных языков (с пятого класса ребята учат немецкий, английский, а в одной школе г. Хорога персидский) — все местные из среды припамирских таджиков. Не только мальчикам, но и девочкам родители стремятся дать полное среднее образование. Если в 1954 г. из 424 выпускников полной средней школы были 102 девушки, то в 1963 г. из 545 выпускников—273 девушки. В 1964 г. из выпускни-

ков средней школы 280 человек принято в высшие учебные заведения республики, из них — 124 девушки, причем 22 поступили на факультет русского языка и литературы.

Изживание былой экономической и культурной обособленности припамирцев проявилось в слиянии (ванчцы) и в усилении сближения язгулемцев, рушанцев, шугнанцев, ваханцев и других припамирских народностей с таджиками. По данным переписи 1959 г. все припамирские народности назвали себя по национальной принадлежности таджиками, но родным языком они (за исключением ванчцев) указали свои памирские языки. Даже и малочисленные ишкашимцы, живущие в СССР лишь в одном кишлаке Рын (их там свыше 400 чел., а всего в 1955 г. — более 500 чел., по данным Т. Н. Пахалиной), назвали своим родным языком ишкашимский. Т. Н. Пахалина пишет, что этот язык «... как и все памирские языки, бесписьменный. В настоящее время пользование родным языком у советских ишкашимцев ограничено пределами повседневного обихода. Школа, делопроизводство, печать, радио — на таджикском языке, который все ишкашимцы, кроме детей дошкольного возраста, достаточно хорошо знают. С помощью таджикского языка они общаются с находящимися с ними по соседству ваханцами и приезжающими иногда в Ишкашим шугнанцами. Между собой же в обиходе они говорят только по-ишкашимски. Таким образом, хотя сфера употребления ишкашимского языка весьма ограничена, но в ней он сохраняется довольно прочно»¹².

У более многочисленных народностей, таких как шугнанцы, рушанцы и ваханцы, естественно, родной язык сохраняется еще прочнее. В прошлом на вопрос о своей национальной принадлежности отвечали: «згамик» (язгулемец), «хугни» (шугнанец) и т. п.

Национальное самосознание припамирских таджиков по материалам непосредственного наблюдения и расспросным сведениям проявляется в самоназваниях «памирец», «памирский таджик», «таджик». Термин «памирец», употреблявшийся в прошлом больше как собирательное географическое понятие, в настоящее время, по-видимому, приобретает и этническое значение.

Родным языком пользуются не только в домашнем быту, но и на производстве. Однако естественный процесс сближения с таджиками продолжает развиваться уже на основе новой социалистической культуры таджиков. Словарный запас памирских языков дополняется все время заимствованиями из таджикского, на котором идет обучение в школе, делопроизводство, ведутся радиопередачи, Таджикским языком пользуются пресса, кино, театры и т. п.

За последние годы как в таджикском, так и в памирских языках происходит заимствование слов и из русского языка, становящегося языком межнационального общения народов СССР. Таджикский язык и сейчас является основным при общении припамирских народностей между собою.

Как отмечают лингвисты, «межламирский «форси», кроме своей разговорной формы засвидетельствован и в многочисленных произведениях народного творчества — рубои, песнях, сказках, стихах местных поэтов... Таджикский фольклор распространен на Памире повсеместно среди населения, говорящего на различных памирских языках. На местных языках исполняются лирические четверостишия (шугнано-рушанская группа) и трехстишия (среди ваханцев), а также сказки»¹³.

¹² Т. Н. Пахалина, Ишкашимский язык, М., 1959, стр. 3.

¹³ А. З. Розенфельд, Таджикские говоры Советского Бадахшана, стр. 108—109.

Коллективы художественной самодеятельности исполняют на таджикском языке песни народов Индии, Афганистана и т. д.

Таджикский язык становится вторым родным языком припамирских таджиков. Он является одним из важных факторов в процессе изживания былой обособленности припамирцев, их постепенного более тесного сближения с таджиками, приобщения к современной национальной таджикской и общесоветской социалистической культуре.

SUMMARY

The article considers contemporary ethnical processes among the Pamirs peoples or, as they are now called, the Pamirs Tajiks living in the Western Pamirs in the Gorno-Badakhshan Autonomous Region of the Tajik SSR. These processes taking place in the years of socialist development are characterized by closer drawing together of the Pamirs Tajiks and at the same time by partial merging (Vanchs) as well as closer contact of the Pamirs population with the Tajiks. According to the 1959 census, all the Pamirs population gave their nationality as Tajiks but named their own Pamirs languages as their native language. The Tajik language, which has long served for the communication of the Pamirs nationalities between themselves and between them and Tajiks, is becoming a second native language of the Pamirs Tajiks. One of the important factors in the process of overcoming the isolation, of the Pamirs peoples is their closer contact with the Tajiks and participation in the contemporary national Tajik and common Soviet socialist culture.

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

В Н О М Е Р Е:

ПРОТИВ ИДЕАЛИЗАЦИИ ТИМУРА

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕТОПИСЕЙ

ПОРТУГАЛЬСКИЙ ФАШИЗМ

НОВЫЙ ТРУД СОВЕТСКИХ КИТАЕВЕДОВ

КАННЫ XX ВЕКА

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПРОПАГАНДА

ПАМИРЦЫ

2

МОСКВА · 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

С. Герберштейн писал об отравлении великой княгини ядом. Но он удостоверился затем в неосновательности молвы и, издавая свои «Записки» вторично, не поминал больше об этом¹⁶.

Бояре восприняли смерть Елены как избавление. Бывшие опекуны, члены «московской семибоярщины», честили незаконную правительницу, не стесняясь в выражениях. Уподобясь «ехидне, отрыгающей яд» (как выразился позднее Грозный), боярин Тучков «многая надменная словеса изрече» о Елене «на ее преставление»¹⁷. Оставшиеся в живых члены «семибоярщины» жаждали вернуть себе власть. Они расправились с ненавистным временщиком Овчиной, но на этом их согласию пришел конец. Победа Шуйских положила начало десятилетнему периоду кровавых боярских смут. Только после восстания московских горожан в 1547 г. над страной повеяли свежие ветры. В правительственных сферах заговорили о необходимости реформировать управление, покончить с боярскими злоупотреблениями, ввести в стране правый суд, ограничить местничество. К первым реформам власти приступили в 1549 году. Тогда же на московском горизонте вновь замаячила «семибоярщина»¹⁸. То была временная боярская комиссия, управлявшая Москвой в отсутствие царя. Новая «семибоярщина» была сколком органа, созданного Василием III. В ее состав входило 7 членов, главою которых был князь Владимир, сын Андрея Старицкого. Как видно, Иван IV всерьез

помышлял о восстановлении отцовских порядков и традиций. Впрочем, Старицкий недолго возглавлял боярскую комиссию. После заговора 1553 г. царь заменил своего двоюродного брата Владимира родным братом Юрием¹⁹. С этого момента и можно говорить об окончательном оформлении «семибоярщины»: хотя Юрию подчинялись 7 бояр, сам он в счет не шел, ибо был глухонемым от рождения. По книгам Разрядного приказа можно установить, что «семибоярщина» периодически назначалась для управления Москвой во все годы правления Избранной рады²⁰. Именно тогда в России были проведены важнейшие государственные реформы и сложилась более стройная приказная система, которую венчала боярская дума. В новой системе управления «семибоярщина» занимала почетное место. Правом заседать в «семибоярщине» пользовалась высшая аристократия. Во второй половине 50-х годов эту боярскую комиссию постоянно возглавляли двое-трое князей Шуйских²¹. Только после введения опричнины царь перестал назначать княжат в «семибоярщину», а затем и вовсе упразднил этот орган. Отныне делами столицы ведали приказные люди.

Возникнув как совет доверенных помощников великого князя, «семибоярщина» со временем переродилась в орган боярской олигархии. Именно такой характер носила последняя «семибоярщина», подхватившая власть в 1610 г. из рук царя Василия Шуйского.

Р. Г. Скрынников

¹⁶ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 40, 295.

¹⁷ «Послания Ивана Грозного». М.-Л. 1951, стр. 29.

¹⁸ «Разрядная книга 1474—1598 гг.». М. 1966, стр. 124.

¹⁹ Разряды, лл. 203, 233.

²⁰ Там же, лл. 203, 233, 261, 331.

²¹ Там же, лл. 233, 261.

У исторической карты народов мира

ПАМИРЦЫ

Термином «памирцы», «памирские таджики» принято называть группу родственных этнографических групп. В СССР они живут на Западном Памире (административно входит в Горно-Бадахшанскую автономную область (ГБАО) Таджикской ССР).

В 1950-х годах небольшое число памирцев — язгулемцев, бартангцев и рушанцев — переселилось в Вахшскую долину. В Советском Бадахшане живут: язгулемцы (самоназвание — згамик); рушанцы (рыхен, рухни) с их локальной группой хуфцами

(хуфидж); бартангцы (бартангидж) с локальной группой орошорцами; шугнанцы (хугни, хунуни) с локальной группой баджуйцами; ишкашимцы (ишкошуми, шикошими); ваханцы (хик, вахи). Общая численность населения ГБАО, по переписи 1970 г., составляла 97 796 чел., из них таджиков, в том числе памирских, 89 314, киргизов — 6 930. Численность каждой из вышеупомянутых групп определить довольно трудно в связи с тем, что в целом памирцы пишутся по национальности таджиками. Более 42 тыс. человек при Всесоюзной переписи 1959 г. назвали своим родным один из памирских языков¹.

Язгулемцы (около 1 600 чел.) населяют долину реки Язгулем; рушанцы (около 7 тыс.) живут на правом берегу Пянджа, от устья Язгулема до устья Бартанга, причем хуфцы (1 200) — в долине Хуф; бартангцы (около 2 тыс.) занимают долину реки Бартанг, шугнанцы (свыше 20 тыс., в том числе баджуйцы в долине р. Баджуй) расселены по правобережью Пянджа, от кишлака Сохчарв до кишлака Хасхараг, в долинах Гунта и Шахдары; ишкашимцы — на правом берегу Пянджа, в кишлаке Рын (400 чел., всего их в ГБАО — 500 чел.); ваханцы (свыше 7 тыс.) — в верховьях Пянджа и в долине реки Памир. Таджики в ГБАО живут в Калаихумбском (дарвазцы, самоназвание — дарвози), Ванчском (ванчцы, правильное — ванджи, в прошлом одна из памирских групп долины Ванджа, ассимилированная таджиками Дарваза более 100 лет тому назад) и Ишкашимском районах (таджикоязычные ишкашимцы, называющие себя ишкошими, — в правобережье долины Пянджа от кишлака Авдж до кишлака Наматгут; горонцы — от кишлака Даршай до кишлака Хасхараг). Киргизы ГБАО населяют высокогорное плато Восточный Памир, административно составляющий Мургабский район. В зарубежных странах больше всего припамирских народностей в Афганистане. Там живут рушанцы, шугнанцы, ваханцы, ишкашимцы, забакцы и сангличи — 70 тыс. чел. (в 1961 г.); в Пакистане (Читрал) живут мунджанцы и йидга; в Китае (Синьцзян) — сарыкольцы, родственные шугнанцам, и ваханцы — около 17 тыс. чел. (в 1971 г.),

¹ А. З. Розенфельд. Таджикоязычное население Советского Бадахшана. «Советская этнография», 1963, № 1, стр. 121; С. И. Брук, В. И. Козлов. Этнографическая наука и перепись населения 1970 года. «Советская этнография», 1967, № 6, стр. 8.

Родные языки памирцев принадлежат к юго-восточной ветви иранских². Антропологически население Западного Памира относится к памиро-ферганскому типу европеоидной расы, так называемой расе Среднеазиатского междуречья³. В этногенезе памирцев участвовали как аборигенные племена, так и пришлые, но родственные между собой этнические элементы. Заселение Памира шло вдоль узкой щели Пянджа, замкнутой между труднодоступной стеной Гиндукуша и памирскими хребтами. Миграционные движения не прекращались, судя по полевым этнографическим материалам⁴, вплоть до последнего времени (пять — три поколения тому назад). На ранней стадии процесса в формировании таджиков и памирцев принимали участие одни и те же основные этнические компоненты. Однако сложение таджиков шло на основе таджикского языка, вытеснявшего восточноиранские языки, сохранившиеся до настоящего времени в СССР только у ягнобцев долины Зеравшана и у памирцев. Последние же, в силу географической изоляции высокогорных районов и ряда исторических и социально-экономических причин оказавшись к X в. на периферии этнической территории формирования таджиков, сложились в самостоятельные народности, сохранившие собственные (восточноиранские) языки.

На территории Таджикистана существовали две древние культурно-исторические области: согдийская (к северу и западу от Гисарского хребта) и тохарская (к югу и востоку от него). Таджики, населяющие территорию первой из них, связаны с населением древнего Согда, а таджики второй обладают сильной культурной общностью,

² См. В. А. Лившиц. Иранские языки народов Средней Азии. «Народы Средней Азии и Казахстана». Т. 1. М. 1962, стр. 133, 152—157; Т. Н. Пахалина. Ишкашимский язык. М. 1959; е е же. Ваханский язык. «Языки народов СССР». Сборник статей. Т. 1. М. 1966, стр. 398—418; е е же. Памирские языки. М. 1969; Д. Эдельман. Современное состояние изучения памирских языков. «Вопросы языкознания», 1964, № 1; е е же. Язгулемский язык. М. 1966; И. М. Стеблин-Каменский. Историческая фонетика ваханского языка. Автореф. канд. дисс. Л. 1971.

³ Л. В. Ошанин. Иранские племена Западного Памира. Ташкент. 1937; е го же. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ч. 1. Ереван. 1957.

⁴ Архив Института этнографии (далее — ИЭ) АН СССР, ф. 137, ед. хр. 9—12.

которая восходит к тохарам⁵. В прошлом одним из важных этноразделительных факторов, способствовавших обособленности памирских таджиков от таджиков других местностей Таджикистана, была различная религиозная принадлежность: таджики — мусульмане-сунниты, а памирцы — мусульмане-исмаилиты. Исмаилизм как ответвление шиитского толка в исламе относится у памирцев к тому же направлению, что и у исмаилитов в Иране, Афганистане, Индии, Северной и Восточной Африке, Сирии, а также в Западном Китае (у сарыкольцев). Это направление признавало своим главой «живого бога» Ага-хана, проживавшего в Бомбее и ведшего свое происхождение от одной из ветвей фатимидских халифов. Его последователи называли себя «ага-хани» и «панджтани», в Индии — «ходжа». Исмаилизм памирцев, вобрав в себя анимистические народные верования, представляет собою их смешение. Различная религиозная принадлежность памирцев и таджиков до Великой Октябрьской социалистической революции тормозила их сближение. Но главным, что привело к возникновению у памирцев ряда особенностей, была их географическая изолированность. Тем не менее в их материальной культуре и культуре горных таджиков, особенно дарвазцев, имеется много общих черт, что объясняется родством происхождения, сходными социально-экономическими уровнями развития на различных этапах истории и частичной общностью географической среды. Налицо, в частности, сходство традиционных навыков ведения сельского хозяйства, орудий труда, типов жилых и хозяйственных помещений и элементов одежды.

Основное занятие памирцев — земледелие высокогорного типа с искусственным орошением в сочетании со скотоводством. Западный Памир характеризуется крайним малоземельем, легкопроницаемыми почвами и сухим климатом. Все обрабатываемые земли нуждаются там в искусственном орошении. Местные жители применяли так называемый «горно-ручейковый тип ирригации»⁶. Воду ручьев, берущих начало высоко

в горах, разводили системой каналов на поля. Здесь примитивные гидротехнические сооружения сочетаются с высокоразвитой культурой полива полей⁷. Из сельскохозяйственных культур выращивались главным образом пшеница, ячмень и бобовые. Из кормовых в небольшом количестве сеялась люцерна. Плодовые и огородно-бахчевые культуры были распространены главным образом в Ванче, Язгулеме, Рушане и Шугнани. В Ишкашине и Вахане, расположенных значительно выше, их имелось мало (в основном абрикос и яблоня). Малые размеры полей и каменистая почва требуют специальной обработки, особенно на крутых склонах гор. Традиционное орудие для пахоты — сыпори — изготовлялось из твердых пород орехового дерева, на конец рабочей части которого надевался металлический наконечник. Тягловой силой являлась пара волов. Недостаток железа на Западном Памире обусловил в старину длительное бытование орудий из дерева, кости, рога и камня⁸.

Одним из основных домашних промыслов памирцев была обработка шерсти. Пряли овечью и верблюжью шерсть женщины. Они вязали из окрашенной шерсти богато орнаментированные длинные носки без пяток. Мужчины пряли шерсть коз и яков и ткали на вертикальном стане полосатые безворсовые ковры — паласы, а из овечьей и верблюжьей шерсти на горизонтальном стане материю для одежды. Шили последнюю женщины. Традиционная одежда характеризуется здесь общностью покроя⁹. Традиционный покрой мужских рубаш и женских платьев туникообразный. Мужские штаны и женские шаровары в шагу широкие. В холодное время года носили распашные халаты и шубы из овчины, шитые мехом внутрь. Обувью служили сапоги из сыромятной кожи на мягкой подошве и долбленные из дерева туфли с тремя выступами на

⁷ И. Мухиддинов. Из прошлого ирригации на Памире. «Гидротехника и мелиорация», 1972, № 2.

⁸ И. Мухиддинов. Сельскохозяйственные орудия таджиков Ишкашимского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (Горон, Ишкашим, Вахан). «Советская этнография», 1971, № 1; М. Р. Рахимов. Сельское хозяйство. «Таджики Каратегина и Дарваза». Вып. I. Душанбе. 1966.

⁹ С. П. Русаякина. Народная одежда Гармской области Таджикской ССР. «Среднеазиатский этнографический сборник». Вып. II, стр. 152; З. А. Широкова. Одежда таджиков Горного Таджикистана. Автореф. канд. дисс. Душанбе. 1971.

⁵ Б. Гафуров. История таджикского народа. М. 1955; Н. А. Кисляков. Некоторые материалы по вопросу об этногенезе таджиков. «Краткие сообщения» ИЭ. Вып. 80, 1960.

⁶ См. Б. В. Андрианов. Изучение горной ирригации на юге Таджикистана и Западном Памире. «Итоги полевых работ Института этнографии АН СССР в 1970 г.», М. 1971, стр. 66.

подошве; в Вахане и Шугнана летом носили сандалии. Доныне употребляются длинные носки из цветной шерсти.

В зависимости от почвенно-растительных условий существовала специализация промыслов в отдельных районах Западного Памира. Ванчцы, язгулемцы и рушанцы отличаются мастерством изготовления деревянной утвари и резьбой по дереву, ваханцы и шугнанцы — ручным женским гончарством (без гончарного круга)¹⁰. Для изготовления посуды употреблялась серая глина, которую для большей прочности смешивали с козьей шерстью, а затем растирали в порошок на каменной зернотерке. В Рушане добывали железо, и рушанские кузнецы были известны как умелые мастера. Бартангцы и рушанцы красиво обрамляли алмандиновые гранаты в серебряную оправу и вообще славились изготовлением ювелирных изделий. Их украшения высоко ценились на рынках сопредельных стран.

Между памирцами и мургабскими киргизами существовала меновая торговля. Интересен связанный с нею своеобразный институт «партнерства по обмену»¹¹. Часто шугнанец из долины Шахдары или верховьев Гунта, бартангец и ваханец дружили с кем-либо из киргизов. Они ездили периодически друг к другу в гости и обменивались своими изделиями. Киргизы давали уздечки, сбрую, подседельники, конские плети, хурджины, выючные сумы, кошмы; памирцы приобретали их в обмен на зерно и шерстяную ткань для халатов (гилим). От киргизов же они заимствовали кошмоваляние, а киргизы переняли вязку носков и изготовление некоторых орудий труда, например, серпов.

Натуральное в прошлом хозяйство (вместе с домашними промыслами, не отделившимися от сельского хозяйства) обеспечивало крестьянскую семью всем необходимым. Господство натурального хозяйства, отсталость и замкнутость жизни, зависимость от Бадахшана, позднее от Афганистана, а затем от Бухарского ханства способствовали сохранению у жителей Западного Памира патриархально-феодалных отношений вплоть до начала XX века.

Социально-экономической ячейкой об-

щества в то время была, как правило, большая патриархальная семья, часто в виде неразделенной семьи, состоявшей из двух-трех поколений и нескольких брачных пар. Это последняя стадия большесемейной патриархальной общины при переходе ее к малой семье. Она платила в свое время подати и натуральный оброк правителям Бадахшана, Афганистана, эмиру Бухарскому; кроме того, отрабатывала барщину местным феодалам и производила сборы (1/10 доходов с каждого дома) для отсылки Агахану в Бомбей. «Подымный» налог, взимаемый с хозяйства независимо от числа членов семьи, содействовал сохранению таких неразделенных семей. Основу кишлачной общины (кабиль) составляли на Западном Памире семейно-родственные группы, включавшие в себя большие патриархальные семьи и некоторое число малых. Семьи, входившие в такие патронимии, называвшиеся «авлод» (у язгулемцев — «кау», шугнанцев — «гиру», ваханцев — «тухм», ишкашимцев — «кында»), были связаны агнатным (по отцовской линии) родством. Между патронимиями, жившими поблизости, существовали тесные соседские отношения. Они оказывали друг другу взаимную помощь (кыяр) при сельскохозяйственных работах, выпасе скота, облавной охоте, постройке помещений, проведении различных семейных обрядов (свадьба, рождение ребенка, обрезание, похороны)¹². Идеологическая общность патронимии выражалась в признании авторитета ее главы — старейшего родственника. С ним советовались главы семей по различным хозяйственным и бытовым вопросам; в его доме совершали молитвы духам предков (так как все сменявшие друг друга главы патронимии являлись потомками общего предка). Каждая патронимия имела свое кладбище или место на нем. В Язгулеме еще в 1950-е годы глава патронимии был обязан собственноручно опускать в могилу умершего мужчину. На похороны и поминки родственников, как и на свадьбу и т. п., все семьи одной патронимии собирались без специального приглашения.

Хозяйственная общность патронимии вы-

¹⁰ Е. М. Пещерева. Гончарное производство в Средней Азии. М.-Л. 1959.

¹¹ Б. В. Андрианов, Л. Ф. Моногарова. Ленинское учение об общественно-экономических укладах и его значение для этнографии. «Советская этнография», 1970, № 1, стр. 40—41.

¹² А. К. Писарчик. Припамирские таджики. «Народы мира: народы Средней Азии и Казахстана». Т. 1. М. 1962; Л. Ф. Моногарова. Семья и семейный быт. «Этнографические очерки узбекского сельского населения». М. 1969; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф. Вып. 1. Сталинабад, 1953.

ражалась в том, что прежде земля считалась ее нераздельной собственностью. По мере увеличения числа семей пахотную землю стали делить между ними. К середине XIX в. пашни превратились в частную собственность семьи. Но пастбища, леса и воды все время, вплоть до организации колхозов в 1930-х годах, оставались в общем пользовании патронимии или киш-лачной общины. Хозяйственной основой деятельности неразделенной семьи являлись земля и орудия производства. Семья представляла собой производственный коллектив, в котором каждый по указанию главы выполнял определенные задания в зависимости от своих возможностей. В киш-лачной общине происходил в конце XIX в. постепенный переход от барщины к уплате натуральных налогов, что усиливало социальное расслоение. В начале XX в. крестьянство на Западном Памире не представляло собой однородной массы. Бедняцкие хозяйства составляли 66,9%; многие бедняки нанимались в батраки. Феодалы и баи наделяли батрака маленьким клочком земли, привязывая его к своему хозяйству и уменьшая число отходников. Средняки и бедняки дважды в год выполняли государственную повинность: чинили дороги, строили мосты, давали лошадей под вьюки для перевоза на военные посты. Работавшие при русском военном отряде крестьяне получали плату деньгами. Некоторые местные жители занимались доставкой почты («почтовые джигиты»). Феодалы и баи интенсивно эксплуатировали крестьян, прикрываясь также древними патриархальными традициями взаимопомощи¹³.

Селения располагались, да еще и теперь располагаются, на конусах речных выносов, реже на речных террасах. У памирцев сложился общий тип расселения семейно-родственными группами. В плане традиционное жилище представляло собой одно- или двухкамерное, состоящее из сеней и жилой части помещение. Часто к стене жилого дома, в которой устроена входная дверь, примыкает открытая с одной или двух сторон терраса. Традиционная кровля — ступенчатый, сужающийся кверху свод, сложенный из балок и досок, обра-

зующих над серединой жилища четырехугольные квадратные рамы. Рамы налагаются одна на другую так, что угол каждой следующей, меньшей по размеру, приходится на середину стороны квадрата предыдущей, а последняя, самая маленькая рама венчает ступенчатый потолок, образуя руз — отверстие для выхода дыма, служащее одновременно для освещения. На ночь и в непогоду руз закрывали деревянным щитом (в настоящее время двускатным стеклянным колпаком). Кровля поддерживается деревянными опорными столбами и балками, идущими вдоль стен. Такая конструкция — один из старинных памирских приемов создания сейсмоустойчивости: даже при значительном землетрясении кровля не обрушивается.

Еще в первые годы Советской власти памирцы сохраняли многие пережитки архаических черт в хозяйственном и бытовом укладе. Процесс социалистических преобразований сопровождался здесь широчайшей государственной помощью во всех сферах жизни, при братской поддержке со стороны более развитых народов СССР, прежде всего русского. Жизнь памирцев в настоящее время является ярким примером успешного проведения Коммунистической партией ленинской национальной политики. Потомки древнейшего оседлого земледельческого населения Средней Азии, живущие на протяжении всего своего исторического развития в высокогорных изолированных долинах, получили автономию и прошли путь глубочайших социально-экономических преобразований, завершившихся переходом их к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. При проведении национально-территориального размежевания республик Средней Азии Памирская область 2 января 1925 г. была преобразована в Горно-Бадахшанскую автономную область Таджикской АССР (в 1929 г. стала союзной республикой). Национализация земли и ее недр, лесов и вод, отмена частной собственности способствовали быстрому прогрессу экономики и культуры этого края.

С первых же шагов социалистического строительства на Западном Памире начали преодолевать замкнутость отдельных групп памирцев, их изолированность и отсталость. Усилились их хозяйственные и культурные связи, чему способствовало в значительной мере проведение новых дорог для колесного транспорта. Наладилось автомобильное и воздушное сообщение. Все колхозы были обеспечены сельскохозяйственной

¹³ А. Д. Давыдов, Афганская деревня. М. 1969, стр. 66—67, 79; Р. Я. Рассудова. Формы организации труда в общинах некоторых районов поливного земледелия Средней Азии (конец XIX — начало XX в.). «Среднеазиатский этнографический сборник». Вып. III. «Труды» ИЭ. Т. ХСVII, 1971.

техникой. Ныне сохраняются лишь те традиционные орудия труда и приемы хозяйственной деятельности, которые приспособлены к специфике местных природных условий, а применяются они там, где из-за высокогорного рельефа нельзя использовать технику. За годы Советской власти лицо высокогорного кишлака Западного Памира резко изменилось. Тут появились такие центры общественной жизни, как сельсовет, правление колхоза, школа, клуб; построены общественные хозяйственные помещения и магазины; открыты медицинские пункты или больницы, аптеки, отделения связи.

Памирцы в современных условиях расширения контактов со многими народами СССР, особенно с русскими и таджиками, быстро усваивают их современную культуру, а в первую очередь те ее черты, которые являются общесоветскими. С процессом социалистических преобразований связаны изменения и в семейном укладе. При существовании у памирцев в настоящее время двух форм семьи — малой и неразделенной первая преобладает. В колхозных семьях значительную их часть составляют представители сельской интеллигенции и рабочие. Неразделенная семья у памирцев в этом отношении ничем не отличается от малой: по своему содержанию обе они являются социалистическими. Экономическое единство такой семьи обуславливается уже не только общим хозяйством и совместным трудом, как ранее, а и взносами из заработков отдельных брачных пар в «общий котел», причем значительная часть заработка остается в личном распоряжении брачных пар. Былые функции главы семьи соответственно уменьшаются, несмотря на частичное сохранение пережитков традиционной патриархальности и связанных с нею обычаев во взаимоотношениях между родными. Преобразование семейных отношений под влиянием социалистической культуры имеет важное значение в процессе развития этнических взаимодействий, так как именно в семье складываются и поддерживаются определенные национальные традиции и т. п.

У памирцев, как и у других народов, проводником передовой, социалистической культуры в семейном быту, как правило, являлись и являются коммунисты и комсомольцы, из среды которых выросли первые кадры местной интеллигенции. В Горно-Бадахшанской области, по данным 1965 г., специалистов с высшим и средним специальным образованием работало более 3 400

человек. По данным автора, полученным во время полевой этнографической работы в Шугнанском районе, в одном из кишлаков Поршнеевского сельсовета — Миденшоре, где до установления Советской власти не было грамотных, в 1964 г. на 65 семей (606 чел.) приходилось с высшим образованием 34 человека, с неполным высшим — около 20, со средним — свыше 150 и со средним специальным образованием — 40 человек. А в настоящее время соответствующие цифры заметно возросли. «Каждый четвертый памирец учится... Если всего 15 лет назад на каждые десять тысяч жителей приходилось два человека с высшим и шесть с незаконченным высшим образованием, то теперь на одну тысячу населения приходится более двадцати человек, окончивших вузы. Областной центр Хорог занимает первое место среди всех городов Советского Союза по числу людей с высшим образованием на тысячу жителей»¹⁴.

Из среды памирской интеллигенции выросли многие видные партийные и общественные деятели, ученые, писатели, артисты, например, генерал-майор М. Д. Ташмухамедов, М. Махамадназарбеков (начальник Управления школ Министерства народного образования ТаджССР), Х. Давляткадамов (первый секретарь обкома КПСС Горно-Бадахшанской автономной области, кандидат философских наук), Б. И. Искандаров (директор Института истории имени А. Дониша, чл.-корр. АН ТаджССР), народный поэт Таджикистана лауреат Государственной премии Мирсаид Миршакар, поэты и писатели Тилло Пулоди, Шамбезода, Хайдаршо, заслуженный артист ТаджССР М. Атамов, заслуженный деятель искусств М. Назаров и многие другие.

Таджикский язык стал ныне вторым родным языком памирцев. В школах обучение ведется на таджикском языке. Со второго класса вводится преподавание русского языка как учебного предмета, а с пятого класса — и одного из иностранных языков. Хотя родным языком пользуются не только в домашнем быту, но и на производстве, словарный запас памирских языков пополняется из лексикона таджикского, который служит основным проводником культурной жизни. Многие, особенно молодежь, хорошо владеют и русским языком. Этнографические материалы показывают, что изживание былой экономической и культурной обособ-

¹⁴ М. Ширинджанов. Крыша мира. В кн.: «Крыша мира». Душанбе. 1965, стр. XV.

ленности памирцев проявилось в советское время в большем сближении с таджиками язгулемцев, рушанцев, шугнанцев, ваханцев и других групп в области хозяйства и материальной культуры. Особенно большие изменения отмечаются в одежде, в жилище, прежде всего его интерьере, в которых содержатся элементы современной таджикской и городской общесоветской культуры. Самосознание памирцев также претерпело значительные перемены. Если раньше на вопрос о национальной принадлежности они отвечали: згамик, хик, хугни и т. д., то в настоящее время говорят «тоджик», иногда прибавляя «памирский», или «памирец». Советский ученый Д. Балхов, сам шугнанец, отмечает не только двойственный характер национального самосознания памирцев, но прежде всего рост дальнейшей их консолидации¹⁵, совершающейся на основе деятельного их участия в процессе коммунистического строительства.

Исследование данного вопроса на конкретном этнографическом материале показало, что процесс изживания обособленности памирцев в настоящее время протекает под воздействием общесоветской социалистической культуры, влияющей в равной степени как на памирцев, так и на таджиков¹⁶. Памирцы, сохраняющие свои родные

памирские языки, этнографические особенности семейного быта, некоторые элементы материальной и духовной культуры и осознающие себя памирскими таджиками, на данном этапе их этнического развития представляют собой этнографические группы в рамках таджикской нации. Дальнейшее сближение их с таджиками за годы социалистического строительства происходит на основе преодоления былой изолированности, путем социалистических преобразований в области экономики, материальной и духовной культуры, развития разносторонних межнациональных связей и быстрого роста атеизма.

«История Советского Бадахшана, его становления и процветания, борьбы и побед неразрывно связана с созидательной деятельностью Коммунистической партии. Она была организатором и вдохновителем титанической работы, приведшей к тем глубоким социальным изменениям, которые произошли на Памире. Перелистывая сегодня великую книгу победного шествия социализма, мы видим, как шаг за шагом партия Ленина вела трудящихся области все к новым и новым достижениям в хозяйственном и культурном строительстве, как бывшая окраина царской России становилась краем счастья и процветания»¹⁷. Эти слова принадлежат памирскому таджику, кандидату исторических наук, проректору Таджикского государственного университета имени В. И. Ленина.

Л. Ф. Моногарова

¹⁵ Д. Балхов. Развитие национального самосознания народных масс в условиях перехода от докапиталистических отношений к социализму. Автореф. канд. дисс. М. 1972.

¹⁶ Л. Ф. Моногарова. Современные этнические процессы на Западном Памире. «Советская этнография», 1965, № 6.

¹⁷ М. Назаршоев. Ленинским курсом. «Крыша мира», стр. VI.